

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ ПОИСК

Ирена ВДОВИНА

Доктор философских наук,
главный научный сотрудник. Институт философии РАН.
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1;
e-mail: isvdovina@mail.ru

МЕРЛО-ПОНТИ МОРИС

В статье представлено краткое изложение философского учения французского мыслителя Мориса Мерло-Понти (1908–1961). Основные темы исследования таковы: обоснование уникальных отношений человека и мира, человека и человека; природа языка; лингвистический опыт человека; история как порождение и странство человеческой деятельности. Размышляя об отношении человека к миру, М. Мерло-Понти стремился выявить естественный и одновременно изначальный контакт человека с миром. При создании своей философской концепции он опирался на учения М. Монтеня, Мен де Бирана, А. Бергсона, Г. Марселя. Философ выделяет специфическую роль тела человека в его жизни и в создании человеческой общности, объявляя его «всеобщим масштабом». Мерло-Понти многогранно исследует понятие плоти, являющейся для него первоэлементом бытия и позволяющей говорить о родственности человеческого «я» и мира. Далее он обосновывает причастность человека к бытию через язык, речь, появление и оформление которых связывает с особой функцией человеческого тела. Лингвистический опыт философ объявляет высшим достижением человека, показателем его историчности и способности к трансцендированию, благодаря которым осуществляется развитие человеческой культуры. В лингвистическом опыте человек обращается к «другому», и бытие предстаёт местом встречи внедрённых в него «я» и «другого»; «другой» изначально включён в первичный опыт мира – «я»

и «другой» состоят из одной плоти. Плоть выступает и исходной точкой для исследования социального бытия человека. Материалом, подкрепляющим и развивающим выводы философии, для М. Мерло-Понти является искусство: философ и художник в своём творчестве исходят из первичного отношения к миру; философия и искусство – это контакт с бытием, обнаружение мира вещей, исследование первозданной реальности. Подтверждение своих идей Мерло-Понти ищет в творчестве Бальзака, Стендаля, Пруста, Жида, Сент-Экзюпери, повествующих, по его убеждению, о полноте человеческого духа, богатстве внутреннего мира человека, о содружестве людей.

Ключевые слова: человек, бытие, мир, плоть, тело, восприятие, душа, язык, искусство, история

Морис Мерло-Понти (1908–1961) – французский мыслитель, представитель феноменологическо-экзистенциалистского направления в философии. Родился в Рошфор-сюр-Мер – приморском городе на западе Франции. В 1913 г. семья переехала в Париж. Завершив обучение в лицее Людовика Великого, поступил в Высшую нормальную школу (1926), где учился вместе с Ж.-П. Сартром, С. де Бовуар, С. Вейль, Ж. Ипполитом, Ж. Валем, а в числе преподавателей были Л. Брюнsvик и Э. Брейе. По окончании преподаёт философию в лицеях и Лионском университете, затем в Сорбонне, в Высшей нормальной школе. Был участником Второй мировой войны. В 1945 г. вместе с Ж.-П. Сартром и С. де Бовуар создаёт журнал “Les Temps modernes”, работает в нём в качестве политического редактора. В 1952 г. выходит из редколлегии журнала и преподаёт философию в Коллеж де Франс, где является ректором и где вместе с ним трудятся К. Леви-Строс и Ж. Лакан. Умер Мерло-Понти в Париже 4 мая 1961 г. от сердечного приступа, за письменным столом, работая над философской трилогией: «Истоки истины», «Введение в прозу мира», «Трансцендентный человек».

Главными темами философии Мориса Мерло-Понти являются: место человека в бытии; взаимоотношение человека и мира, человека и человека; природа языка; искусство как воссоздание первичного контакта человека с миром вещей; история как порождение и сфера человеческой деятельности.

М. Мерло-Понти – автор произведений: «Структура поведения» (1942), «Феноменология восприятия» (1945), «В защиту философии» (1953), «Знаки» (1960), «Видимое и невидимое» (1964) и др. Основную задачу философии он видел в том, чтобы описать первичное открытие мира человеком, сформулировать идею жизненного опыта, предшествующую любой мысли о мире: философия обязана прорваться к бытию через заслоняющие его преграды рефлексии, понятийности, знаковости. Примыкая к феноменологическому движению, М. Мерло-Понти стремился перевести феноменологию с уровня чистого сознания в мир конкретной жизни человека, воплощённый в индивидуальном и социальном существовании.

Философия как вопрошание

Философские воззрения М. Мерло-Понти сложились главным образом под влиянием феноменологии Э. Гуссерля и экзистенциализма М. Хайдеггера, причём французский мыслитель всегда оставлял за собой право толковать эти позиции в философии в свете собственных задач: он соединял феноменологию и экзистенциализм, намереваясь выйти за их пределы и обосновать философию «двойственности», где преодолевались бы противоречия между материализмом и идеализмом, рационализмом и иррационализмом, расхождения между субъектом и объектом, явлением и сущностью, вещью и её образом. Вместе с тем М. Мерло-Понти считал необходимым обратиться к изучению мира и связанных с ним проблем ещё до знания о нём, отказавшись от утвердившегося в науках способа мышления.

Для М. Мерло-Понти философия – дисциплина прежде всего исследовательская, она является вершиной исследовательской деятельности; при этом она никогда не стремится к абсолютному знанию: «Философ всегда движется от знания к незнанию, а от незнания – к знанию, делая на этом пути остановки...» [1, с. 7]. Философия есть вопрошание, и её главный вопрос звучит так: что я знаю доподлинно? Вопрос этот, в принципе, не может получить разрешения. Философское вопрошание не ожидает предъявления чего-либо, оно нацелено на «разоблачение» Бытия, «...которое не является полагаемым, поскольку оно не нуждается в полагании и поскольку оно молча располагается позади всех наших утверждений, отрицаний и даже всех сформулированных нами вопросов» [2, с. 188]. Философия, повторяет Мерло-Понти мысль Гуссерля, это «...ещё погруженный в немоту опыт, который теперь нужно заставить без искажений выразить в словах его собственный смысл» [20, с. 105]. И из уже словесно выраженного смысла можно и нужно извлекать новые выводы, обнаруживать новые возможности.

Философия, считал М. Мерло-Понти, всегда должна существовать в гуще исторических событий. При этом она не довольствуется тем, что испытывает воздействие исторического окружения; ей свойственно изменять последнее, выявляя его связи с новыми условиями и новыми временами. Философия и история взаимодействуют на расстоянии, но в тесном сотрудничестве, при этом философия должна быть свободной, не связанной какими-либо политическими и идеологическими обязательствами.

«Философия – это не наука» [2, с. 44], она есть совокупность вопрошаний. Она занимается воскрешением бытия, которым наука не интересуется, поскольку изучает отношение между бытием и познанием. Философия, согласно Мерло-Понти, постигает бытие в опыте человеческих желаний и страстей, она ищет контакт с первозданным бытием. Отличаясь от науки, философия вместе с тем не противостоит научному знанию. Она постоянно стремится поддерживать с ним взаимные отношения, прежде

всего и главным образом – с науками о человеке. Однако в отличие от научной антропологии, которая рассматривает человека таким, каков он есть, в его действительном положении – живущим и познающим, философская антропология стремится углубить включённость человека в бытие; она буквально заражена жизнью и стремится укорениться в самой сердцевине истории. При этом философ, убеждён М. Мерло-Понти, претендует на осмысление мира всех людей и каждого человека в отдельности.

Феноменология и экзистенциализм

Истоки философии «конкретной жизни»

Первая публикация М. Мерло-Понти «Структура поведения» (1942) посвящена изучению проблемы отношения между сознанием и природой. Здесь влияние феноменологии почти не обнаруживается. В этой работе философ использует термин «существование», говорящий о том, что поведение человека не является ни целиком физическим, ни от начала и до конца психологическим. Мерло-Понти воспринял феноменологию Гуссерля как ещё не сложившееся учение. Даже «Феноменологию восприятия» (1945) он начинает с вопроса «Что такое феноменология?» – спустя полвека после появления первых работ основоположника этого направления в философии.

Интерпретируя понятие феноменологии в гуссерлевском его понимании как учения о сущностях, о чистом сознании и его феноменах, Мерло-Понти оставляет за собой право толковать феноменологию в свете собственных задач: феноменология – это изучение сущностей, помещённых в экзистенцию (существование); человек и мир могут быть поняты исходя только из их «фактичности», и «...все её усилия направлены на то, чтобы отыскать наивный контакт человека с миром» [5, с. 5]. Таким образом, феноменология неотделима от экзистенциальной философии.

Феноменология и экзистенциализм – непосредственные предшественники философского учения М. Мерло-Понти, но сам философ не является ни типичным феноменологом в гуссерлевском понимании феноменологии, ни собственно экзистенциалистским мыслителем – он стремился выйти за пределы и феноменологии, и экзистенциализма, «преодолеть», как он писал, Гуссерля и Хайдеггера. Свою позицию Мерло-Понти обозначил как философию двойственности, пытаясь соединить противоположные смыслы и обосноваться между ними. Главную задачу своей философии М. Мерло-Понти видел в том, чтобы увести феноменологию с уровня чистого сознания в мир конкретной жизни человека и воплотить её в его индивидуальном и социальном существовании. Для решения этой задачи, считал мыслитель, философии надлежит изучать непосредственный контакт человека с миром.

При создании своей философии М. Мерло-Понти опирался на учения М. Монтеня, Мен де Бирана, А. Бергсона, Г. Марселя. В учении Монтеня его привлекает стремление к изучению человеческого существа как сложного единства, не сводимого ни к плоти, ни к разуму; плоть и разум, а также человека и мир вещей следует связать тесными узами и объединить в единое целое; «...необходимо повелевать нашему духу, чтобы он не замыкался в себе, не презирал и не оставлял в одиночестве нашу плоть» [31, с. 62]. Одновременно Монтень ставил задачей зафиксировать человеческое существование в момент его самосознания, сохранив за ним возможность изменяться.

В философии Мен де Бирана Мерло-Понти выделяет понятие «первоначального факта», под которым он понимал то, что схвачено рефлексией в тот момент, когда мыслящий и мыслимое, едва родившись, начинают отличаться друг от друга. «Первоначальный факт» Мен де Бирана – это волевое усилие, которое определяет любое понимание человека и любой его поиск. «Первоначальный факт» – это не то, что «существует передо мной само по себе», это – «активность, рождающаяся из пассивности» [8, р. 62]. Из этого следует исходить как из простейшего и вместе с тем самого определённого из того, что дано постигнуть нашему разумению. Однако между волевым усилием и точкой его приложения существует некоторый промежуток, ощущение которого сопутствует любому действию человека; это – ощущение человеком собственного тела: существует непосредственное познание собственного тела, основанное исключительно на отпечатке волевого усилия и органического сопротивления, которое уступает воле и подчиняется ей. Мен де Биран в своих исследованиях, считал Мерло-Понти, берёт как раз за точку отсчёта тело и его способность к движению. В обращении к этой исходной точке Мерло-Понти видел начало экзистенциального мышления.

Бергсон для М. Мерло-Понти – это философ жизни; истоком его рефлексии он считал «внимание к жизни»; своим учением о длительности Бергсон описывает первозданное бытие воспринятого мира, которое есть не что иное, как «спонтанное, или естественное бытие», бытие «доконституированное», «всегда предполагаемое на горизонте наших рефлексий, всегда имеющееся в наличии» [3, с. 214]. Человеческое «я» сосуществует, соучаствует с вещами, оно внутренне захвачено ими; душа и тело сочленяются. М. Мерло-Понти поддерживает мысль Бергсона о человеческом «я» как о «продолжении» его тела, присутствующего в мире и являющегося центром его реальных действий. Особое внимание Мерло-Понти привлекала концепция восприятия Бергсона – восприятия, рассматриваемого им как совокупность способностей разумения, соразмерных бытию и готовящих «я» человека к видению вещей и мира, к жизненному отношению с природой, живыми существами и с самим собой – с бытием, находящимся вне человека и в человеке. Лучшее, что, согласно М. Мерло-Понти, есть в бергсонизме, – это умение видеть сопряжённость свободы и материи,

духа и тела, «обмен между прошлым и настоящим, между материей и духом, молчанием и говорением, миром и нами, их взаимные переходы одного в другое, в котором высвечивается истина» [1, с. 23–24].

Интерпретируя феноменологию Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти искал в ней возможность возвращения к миру, существующему до знания о нём, обращения к до-теоретическому опыту, к «первобытному» разуму. Важным моментом гуссерлевской феноменологии Мерло-Понти считал обращение к человеческому телу как к переплетению, в котором не ощущается пульсаций конституирующего сознания. Тело – это условие возможности существования вещи и вместе с тем вещь, в которой живёт человеческое «я»; тело – это «чувствующая» вещь, связанная с другими вещами и с другими людьми.

Мерло-Понти отдаёт должное и Г. Марселью, сформулировавшему понятие «собственного тела» как экзистенциальной опоры всего сущего, меры неразрывной связи человека с миром. Идеи Г. Марселя близки к феноменологическим исследованиям: и Гуссерль, и Марсель, утверждая онтологическую значимость телесного, выдвигают на первый план вопрос об отношении субъекта к собственному телу как живому источнику восприятия; оба говорят о «до-логическом» существовании экзистенции как важнейшей форме сосуществования человека и мира, об опыте мира, о до-рациональном осознании человеком себя в качестве субъекта и мира в качестве объекта.

В итоге сам Мерло-Понти признает *феномен*, это центральное понятие феноменологии, первичным открытием мира, субъектом которого является человеческое тело, «феноменальное» тело, стоящее у истоков слов и действий человека, проводником бытия в мир, якорем, закрепляющим человека в мире, а также способом овладения мира человеком.

Видение. Приятие бытия. Понятие плоти

Специфическую роль тела в жизни человека и человеческой общности М. Мерло-Понти выявляет, анализируя восприятие [5]. Описывая тело как субъекта восприятия, он говорит о его значении: тело, являясь продолжением мира, состоя из той же плоти, что и мир, будучи вплетённым в ткань мира, есть в то же время «мера всего», «экзистенциальный ориентир и измеритель» всего сущего. Тело – это пробел в плоти мира, но пробел, не разрывающий её бытийную ткань, а скрепляющий её; тело есть целостность, имеющая доступ к целостности мира. В первичном восприятии тело и восприятие взаимопроникают; вместе с тем их взаимная близость предстаёт как непреодолимая дистанция – тело предстаёт как «дифференцированное единство», благодаря которому спонтанное восприятие («чувственно воспринимаемый хаос») обретает целостность. Тело является «поставщиком восприятия». Оно использует собственные части для символического выражения мира, именно с помощью тела человек вторгается

в мир, понимает его и привносит в него значения: «моё тело является не всего лишь чем-то воспринятым среди прочего воспринятого, а масштабом всего» [2, с. 328]. Свобода субъекта – это прежде всего свобода его тела, свобода ориентаций и движений, т.е. интенциональность; свобода-интенциональность изначальна, она есть нацеленность тела на объект.

В труде «Видимое и невидимое» (1964) М. Мерло-Понти поставил задачей продолжить и углубить собственный анализ, прояснив, как он писал, «онтологические допущения» внутри самой феноменологии, опираясь на понятия бытия, тела, восприятия [2]. Онтология философа базируется на бытии, которое отлично и от сартровского «бытия-в-себе», и от хайдеггеровского «Бытия-из-самого бытия (Sein)»: бытие у М. Мерло-Понти – это бытие «дикое», первозданное, а его видение есть приятие такого бытия, способ бытия в нём. Видение находится в одном ряду с восприятием, более того – видение это другое название восприятия, понимаемого Мерло-Понти не в традиционном смысле, не как непосредственное отражение предметов реального мира, воздействующего на наши органы чувств, а как способ приятия мира, бытия в нём. Видение – это пред-восприятие, которое осуществляется в мире, переплетаясь с ним. Приятие мира предшествует всем иным способам соприкосновения с ним, оно говорит о погруженности человека в плоть мира, об онтологической «совместимости» и «совместности» человека и мира. Погружённость в мир изменяет понятие восприимчивости: я вижу предмет не перед собой, он проникает в меня; отношение к бытию заключается в том, чтобы одновременно принимать и быть принятым; приятие вписано в тот же самый мир, который оно принимает.

В «Видимом и невидимом» М. Мерло-Понти тщательно анализирует понятие плоти, которого, по его убеждению, нет в традиционной философии, и отводит ему центральное место в своей онтологии. Выявление плоти есть продолжение редукции, которая в «Феноменологии восприятия» останавливалась на теле вообще и теле собственном. В «Рабочих записях», включённых в «Видимое и невидимое», Мерло-Понти переходит от анализа тела к изучению плоти. Ход его мысли таков: при соприкосновении человеческого тела с миром происходит не только тактильное взаимодействие объективного и субъективного, но и размывание границ между ними: они смешиваются, переплетаются друг с другом, так что невозможно провести границу между телом и миром.

Приятие мира предшествует всем способам соприкосновения с ним, оно говорит о погружённости человека в плоть мира, об онтологической «совместимости» и «совместности» человека и мира. Погружённость в мир изменяет понимание восприятия: «я» не видит предмета перед собой, это предмет со всех сторон проникает в «я»; приятие мира говорит о том, что всякое отношение к бытию заключается в том, чтобы одновременно принимать и быть принятым; приятие вписано в тот же самый мир, который оно принимает. Особое значение для понимания этого сплетения имеет

опыт прикосновения одной руки человека к другой: он даёт возможность говорить об уникальности опыта тела – тело может одновременно испытывать прикосновение и ощущать себя совершающим прикосновение; в данном случае телу недостаточно себя самого, чтобы испытывать опыт касания: здесь имеется нечто отличное от тела, и это «отличное» Мерло-Понти называет плотью.

Плоть выходит за пределы тела; тело и плоть – манифестация Бытия. Плоть позволяет мыслить тело и мир, не обращаясь к противопоставленности «субъект – объект». Речь идёт о родственности «я» и мира, их сопричастности друг другу; плоть – это вещь вообще, своего рода воплощённый принцип, привносящий стиль бытия всюду, где обнаруживается самая малая его толика. Плоть – это первоэлемент Бытия, его стихийное начало; плоть – это тело до тела, бытие до бытия, реальность являющего себя. Следуя феноменологической редукции, М. Мерло-Понти определяет изначальный контакт человека с миром как его приятие; этот опыт носит бытийственный, онтологический характер.

Феноменология лингвистического опыта

В трудах «О феноменологии языка» (1951), «Видимое и невидимое» (1964), «Проза мира» (1969) М. Мерло-Понти стремится обосновать связь человека с миром и другими людьми через язык и речь, оформление которых, как и первичное восприятие, он связывает с особой функцией человеческого тела. В отличие от лингвистической науки, интересующейся, по словам мыслителя, языком как идеальной системой, философии надлежит понять сущность лингвистического опыта, выявить, в чём заключается бытие языка. Ей необходимо проанализировать опыт говорящего субъекта, от которого наука лингвистика абстрагируется, и понять, каким образом, исходя из первичного восприятия и жеста человека, рождается языковое поведение и какое значение этот опыт имеет для становления человека-субъекта.

Лингвистический опыт человека вырастает на основе первичного восприятия, и в ходе своей эволюции он становится высшим достижением человечества, истинным показателем его историчности и способности к трансцендированию, благодаря которым и осуществляется развитие человеческой культуры. Анализируя лингвистический опыт, можно прийти к подлинно онтологической позиции в философии, с одной стороны, выявляя перцептивное родство человека с миром, с другой – создавая конкретную теорию духа: «Необходимо взять язык в его живом или зарождающемся состоянии, со всеми его референциями, с теми, что находятся позади него и связывают его с немymi вещами, к которым он обращается, и с теми, которые он отсылает вперёд и которые образуют мир изречённых вещей» [2, с. 183]. Следовательно, через анализ лингвистического опыта М. Мерло-Понти стремится раскрыть человеческое существо в его самых фундаментальных аспектах.

Первичное восприятие, считает Мерло-Понти, может служить основанием человеческой культуры только при условии, что оно возникает одновременно у нескольких субъектов. В этой связи философ считает основным показателем собственно человеческого начала выражение и самовыражение индивида. Проблему выражения он рассматривает на двух уровнях – на уровне природной (безмолвной) символизации и на уровне языкового (искусственного) общения. Безмолвная символизация – это само спонтанное восприятие, ещё не дифференцированное тактильно, визуально, аудитивно, где восприятие и опыт собственного тела включаются друг в друга; здесь тело выступает в качестве экспрессии, её самодвижения, оно – сама актуальность феномена выражения. Нерасчленённость спонтанного восприятия, его целостность заключается в том, что каждый относящийся к ощущениям регистр выражает все другие и сам выражается в них.

Лингвистический опыт есть выражение вторичное по отношению к восприятию: он рождается из восприятия и облекает в слова первичное отношение человека к миру. Чтобы понять слово в качестве жеста, пишет М. Мерло-Понти, надо прежде всего укоренить его концептуальный смысл в эмоциональном, поскольку лингвистический опыт вырастает на его основе и сохраняет его важнейшие характеристики – нацеленность на мир и обращённость к «другому».

Существеннейшей характеристикой говорящего субъекта, согласно Мерло-Понти, является его способность к трансцендированию; в акте говорения совершается подлинно человеческая деятельность. Философ проводит различие между словом сказанным и словом говорящим: с одной стороны, говорящий субъект использует уже наличествующий лингвистический материал, с другой – он всегда стремится выйти за пределы наличных значений. Говорение есть «парадоксальная» ситуация: пользуясь уже сказанным словом, оно становится словом говорящим, в котором ещё безмолвная интенция означивания готова воплотиться в культуру; благодаря языку, человек включается в создание смыслов, которое началось до него и продолжится после него.

Особое значение принадлежит языку в ходе человеческого общения. В диалоге людей между ними устанавливается некая общая территория, где мышление «я» сплетается с мышлением «другого», где существует «бытие вдвоём», а «я» и другой оказываются союзниками, между которыми устанавливается совершенная взаимность. Акт говорения связывает их в единое целое, их перспективы сливаются одна с другой, их существование разворачивается в одном и том же мире; вместе с тем слово «другого» открывает перед «я» новые значения, вовлекает «я» в умственное движение, на которое сам по себе он не был бы способен; язык содействует созданию общего духа цивилизации, совместной жизни людей. Начатое М. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» исследование феномена, т.е. первичного, собственно человеческого акта, открывающего мир,

завершается в феноменологии говорения. Привнеся акт говорения в понимание феномена, философ делает следующий вывод: теперь мы имеем все существенные элементы феномена.

«Я» – «другой» – социальность

Бытие для М. Мерло-Понти является местом встречи внедрённых в него «я» и «другого». В его работах первого периода «другой» являл себя через «я» «другого», через его тело и его мир. Здесь «другой» скорее признаётся, нежели сам себя являет, и признаётся постольку, поскольку обживает и использует мир так же, как это делает «я». В работах «Проза мира» и «Видимое и невидимое» Мерло-Понти предпринимает онтологическую трактовку другого. Логика его исследования здесь такова: мир принадлежит не только «я», но и «другому» – он общий для «я» и «другого»; «другой» включён в изначальное отношение «я» к миру и занимает место между телом «я» и плотью мира; возникая в мире «я», «другой» присоединяет к нему собственный опыт мира, благодаря чему являют себя такие аспекты мира, к которым «я» не имело бы доступа; «другой» конституирует «я» изнутри.

При этом «я» воспринимает «другого» не с позиций «сверху» или «перед» — «другой» выходит за рамки такого восприятия. «Другой» рождается на стороне «я», он «взламывает» восприятие «я». Благодаря «другому», «я» не только видит, но и сам видим, не только воспринимает, но и сам воспринимаем; о «другом» нельзя рассуждать в терминах оппозиции «субъект-объект» – он являет себя на фоне мира, он изначально включён в первичный опыт мира; «я», мир и «другой» состоят из одной плоти. Мерло-Понти возражает против экзистенциалистского (сартровского) понимания отношения «я» – «другой», воспроизводящего, по его мнению, альтернативу субъект-объектного отношения; к тому же исходной основой экзистенциализма является изолированное сознание, а его анализ раскалывает время на дискретные значения и сводит жизнь к набору состояний сознания. Собственно человеческий мир, считает Мерло-Понти, возникает тогда, когда складывается система «я – другой», когда между сознанием и телом одного «я» и сознанием и телом другого «я» зарождается внутренняя связь, когда «другой» выступает не как фрагмент мира, а как видение мира и носитель поведения.

Размышляя о социальном, М. Мерло-Понти сразу же предупреждает о том, что его не следует мыслить в качестве объекта исследования. Феноменология не предполагает никакой социологии, коль скоро она не объективирует свой предмет, а стремится понять его. Философ-феноменолог должен схватывать социальное как проживание, где «я» ощущает скрытое под покровом анонимности близкое присутствие «другого»; именно плоть выступает исходной точкой для исследования проблемы социальности. Историчность и социальность укоренены в плоти; социальный мир

открывается человеком вслед за природным миром – не как объект или сумма объектов, а как поле существования, которое угадывается позади, вокруг и впереди человека в качестве границы его присутствия. Связь с социальным, как и связь с миром, является более глубокой, чем любое отчётливое восприятие или суждение; самым фактом нашего существования мы связаны с социальным до всякой объективации – оно уже существует, когда мы познаём его или выносим о нём суждение, оно существует до познания как «глухой вызов». Иными словами, социальное обретает своё значение на почве сосуществования «я» и «другого», в интерсубъективном мире. Мерло-Понти критикует сартровскую трактовку отношения «я – другой», называя её «солипсистской комедией», – у Сартра есть множество субъектов, но нет интерсубъективности.

Человек открывает для себя социальный мир не как объект или сумму объектов, а как поле своего существования, которое угадывается позади него, вокруг него и впереди него, как границу своего исторического пространства, которая неотступно сопутствует ему. Самим фактом своего существования люди находятся в контакте с социальным, они связаны с ним до всякой объективации; социальное существует до познания как некий «глухой вызов».

Социальное обретает свой смысл на почве сосуществования людей, в интерсубъективном мире, и если «...в основании субъекта мы снова обнаружим время, если свяжем с парадоксом времени парадоксы тела, мира, вещей и другого, то поймём, что по ту сторону всего этого нет ничего, что подлежит пониманию» [5, с. 466].

Философия и художественное творчество

Материалом, подкрепляющим и развивающим выводы экзистенциальной феноменологии, для М. Мерло-Понти является искусство: феноменология – это «...кропотливый труд вроде творчества Бальзака, Пруста, Валери или Сезанна – с тем же вниманием и изумлением, с той же взыскательностью сознания, с той же волей постичь смысл мира и истории в момент их зарождения» [5, с. 22]. Художники, как и философы, исходят в своём творчестве из первичного отношения к миру; произведение искусства совершает феноменологическую редукцию, обнаруживая предвещающее человека присутствие мира. Философия и искусство являются контактом с Бытием; произведение искусства, как и спонтанное восприятие, есть обнаружение мира вещей, исследование первозданной реальности.

Для М. Мерло-Понти искусство онтологично по само своей сути, оно способно выражать бытие, не обращаясь к понятиям. Искусство требует переопределения понятия истины: оно истинно не потому, что соотносится с реальностью, его истина определяется вечной задачей – воссозданием первичного контакта с миром вещей, взывающих к миру человека; бытие высвечивается в творениях художников и поэтов. Более всего

соответствующим философско-феноменологическому освоению мира Мерло-Понти считает два вида искусства – художественную литературу и живопись.

В литературном творчестве, убеждён философ, язык перестаёт быть просто средством для сообщения о налично данном, оно становится телом писателя, более того – самим писателем. Язык здесь является актом означения, и у писателя существует только один способ понять язык – обосноваться в нём. Переходя от означающего языка к чистому языку, художественная литература освобождается от стремления к сходству с вещами и от идеала законченного произведения искусства. Литературные слова обладают уникальной способностью – выводить внимающего им за пределы его собственных мыслей, они проделывают в его обособленном мире отверстия, через которые проникают мысли другого. Таким образом, художественная литература, как и феноменология, соприкасается с самым сокровенным отношением человека к миру и к другим людям – с напряжённой жизнью человеческого духа.

Подтверждение своих идей Мерло-Понти находит в творчестве таких писателей, как Бальзак, Стендаль, Пруст, Жид, Сент-Экзюпери и ряда других. Так, отмечает философ, произведение Сент-Экзюпери «Военный лётчик», повествующее об одном дне жизни человеческого сознания в «крайней ситуации», подхватывает основные темы «философии жизни», феноменологии и экзистенциализма – движение человеческого духа к невидимому и неведомому, полнота человеческого духа, богатство внутренней жизни человека, содружество людей (интерсубъективность). С произведений Пруста и Жида, считает Мерло-Понти, начинается «неутомимый отчёт» о теле человека: его официально признают, с ним советуются, к нему прислушиваются, улавливают перепады его желания. Валери выразительно говорит о человеческом теле, осознание которого неизбежно сопровождается присутствием «другого». Следует отметить, что ни один из писателей, на которых ссылался Мерло-Понти, не тяготел к идеям феноменологическо-экзистенциалистской философии как таковым – каждый из них шёл своим путём.

Деятельность художника, по мнению Мерло-Понти, не так уж сильно отличается от деятельности писателя. Писатель превращает язык в собственное тело; нечто подобное происходит с художником, только он, преобразуя мир в живопись, отдаёт ему своё тело. Вопросание художника нацелено на неуловимое зарождение вещей в теле человека, на тайну их предсуществования. Творчество художника обнаруживает до-человеческое основание природы, на котором обустраивается человек; только человек способен на такое видение, доходящее до самих истоков, лежащих по ту сторону того, что создано им самим. Живопись иллюстрирует загадочность человеческого тела и сама выверяется им; освещение, цвет, глубина существуют в ней лишь постольку, поскольку они пробуждают отклик в нашем теле, воспринимаются им. Художественное полотно оказывается

«внутренним внешнего и внешним внутреннего», а вопрошание художника направлено на тайный, неуловимый и скоротечный генезис вещей в нашем теле [4, с. 16–17].

Если от философии и художественной литературы ждут того, чтобы они определили свою позицию перед лицом событий, то живопись надедена правом смотреть на вещи без какой бы то ни было обязанности их оценивать; требования познавать и действовать теряют по отношению к живописи свою силу, словно в её произведениях существует некая неотложность, превосходящая актуальность. Художник со всеми его достоинствами и недостатками, силой и слабостью является безоговорочным сувереном в собственном постижении мира.

Список литературы

Источники:

1. Мерло-Понти М. В защиту философии / Пер. с фр., послесл. и примеч. И.С. Вдовиной. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 1996. 247 с.
2. Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / Пер. с фр. О.Н. Шпарага. Минск: Логвинов, 2006. 400 с.
3. Мерло-Понти М. Знаки / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Искусство, 2001. 429 с.
4. Мерло-Понти М. Око и дух / Пер. с фр., предисл. и коммент. А.В. Густыря. М.: Искусство, 1992. 63 с.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. СПб.: Наука: Ювента, 1999. 606 с.
6. Merleau-Ponty M. Existence et dialectique. Paris: Presses Universitaires de France, 1971. 228 p.
7. Merleau-Ponty M. Humanisme et terreur: essai sur le problème communiste. Paris: Éditions Gallimard, 1980. 320 p.
8. Merleau-Ponty M. L'Union de l'âme et de corps chez Malebranche, Biran et Bergson. Paris: J. Vrin, 1978. 140 p.
9. Merleau-Ponty M. La doute de Cézanne // Merleau-Ponty M. Sens et non-sens. Paris: Les Éditions Nagel, 1948. P. 15–44.
10. Merleau-Ponty M. La prose du monde. Paris: Éditions Gallimard, 1969. 216 p.
11. Merleau-Ponty M. Les aventures de la dialectique. Paris: Éditions Gallimard, 1955. 341 p.
12. Merleau-Ponty M. Sens et non-sens. Paris: Les Éditions Nagel, 1966. 333 p.
13. Merleau-Ponty M. Structure du comportement. Paris: Presses Universitaires de France, 1942. 315 p.

Исследования:

1. Ажимов Ф.Е. Эстетико-антропологическое измерение феноменологии М. Мерло-Понти // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 2 (14). С. 81–83.

2. Бергсон А. Два источника морали и религии / Пер. с фр., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. М.: Канон+, 1994. 384 с.
3. Бескова И.А., Князева Е.Н., Бескова Д.А. Природа и образы телесности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 456 с.
4. Бразжникова Я.Г. Плоть и история. К идее архитектурного прошлого в философии М. Мерло-Понти // Логос. 2004. № 1 (41). С. 72–87.
5. Вальденфельс Б. Ключевая роль тела в феноменологии Мориса Мерло-Понти // Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / Пер. с фр. О.Н. Шпарага. Минск: Логвинов, 2006. С. 379–399.
6. Вдовина И.С. Морис Мерло-Понти // Вдовина И.С. Феноменология во Франции (историко-философские очерки). М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. С. 15–106.
7. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Наука: Ювента, 1998. 315 с.
8. Декомб В. Тожественное и иное // Декомб В. Современная французская философия / Пер. с фр. М.М. Федоровой; под ред. Н.Я. Марголиной. М.: Весь мир, 2000. С. 7–182.
9. Долгов К.М. От Киркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. М.: Искусство, 1990. 399 с.
10. Кошелева В.Л. Морис Мерло-Понти // Философы XX века. Книга первая. М.: Искусство XXI век, 2004. С. 157–168.
11. Кротов А.А. Философия Мен де Бирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. 103 с.
12. Левинас Э. Гуманизм другого человека / Пер. с фр. И.С. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Трудная свобода. М.: РОССПЭН, 2004. С. 591–662.
13. Левинас Э. Тотальность и Бесконечное / Пер. с фр. И.С. Вдовиной // Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 66–291.
14. Лиотар Ж.-Ф. Феноменология / Пер. с фр. и послесл. Б.Г. Соколова. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ: Алетейя, 2001. 150 с.
15. Марсель Г. Метафизический дневник / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2005. 586 с.
16. Марсель Г. Трагическая мудрость философии. Избранные работы / Пер. с фр., сост., вступ. ст. и примеч. Г.М. Тавризян. М.: Изд-во гум. лит-ры, 1995. 215 с.
17. Монтень М. Опыты: в 3 кн. Кн. 1. М.: Голос, 1992. 383 с.
18. Монтень М. Опыты: в 3 кн. Кн. 2. М.: Голос, 1992. 559 с.
19. Монтень М. Опыты: в 3 кн. Кн. 3. М.: Голос, 1992. 414 с.
20. Подорога В.А. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. М.: Ad Marginem, 1995. 341 с.
21. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. М.: Канон-Пресс-Ц: Кучково поле, 2002. 622 с.
22. Рикёр П. Я-сам как другой / Пер. с фр. Б.М. Скуратова; под общ. ред. И.С. Вдовиной. М.: Изд-во гум. лит-ры, 2008. 416 с.
23. Соловьёва Г. Современная западная философия (от Сёрена Кьеркегора до Жака Деррида). Алматы: Ин-т философии и политологии МОН РК, 2002. 465 с.
24. Французская философия и эстетика XX века: А. Бергсон, Э. Мунье, М. Мерло-Понти / Предисл. П. Мореля. М.: Искусство, 1995. 269 с.
25. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.

26. Шпигельберг Г. Феноменологическая философия Мориса Мерло-Понти (1908–1961) / Пер. с англ. Т. Вартамяна, К. Смирновой // Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение. М.: Логос, 2002. С. 529–580.
27. Charron G. Du langage. A. Martinet et M. Merleau-Ponty. Ottawa: Éditions de l'Université d'Ottawa, 1972. 187 p.
28. Daly A. Merleau-Ponty and the Etics of intersubjectivity. London: Palgrave Macmillan, 2016. 312 p.
29. Dartigues A. Qu'est-ce que la phénoménologie? Toulouse: Privat, 1972. 176 p.
30. Dufrenne M. Maurice Merleau-Ponty // Les études philosophiques. 1962. Vol. 17. No. 1. P. 81–92.
31. Dufrenne M. Pour l'homme. Paris: Éditions du Seuil, 1968. 256 p.
32. Fontaine de Visscher L. Le phénomène ou Structure? Essai sur le langage chez Merleau-Ponty. Bruxelles: Publ. des fac. univ. Saint Louis, 1974. 113 p.
33. Haar M. La philosophie française entre phénoménologie et métaphysique. Paris: Presses Universitaires de France, 1999. 143 p.
34. Halda B. Merleau-Ponty ou la philosophie de l'ambiguïté. Paris: Lettres Modernes, 1966. 63 p.
35. Heidsiek F. L'ontologie de Merleau-Ponty. Paris: Presses Universitaires de France, 1971. 141 p.
36. Hyppolite J. Figures de la pensée philosophique. T. II. Paris: Presses Universitaires de France, 1991. 1042 p.
37. L'Œil et L'Esprit. Merleau-Ponty entre art et philosophie / Éd. F. Bourlez, L. Vinciguerra. Reims: EPURE, 2016. 280 p.
38. Lefort C. Sur une colonne absente: écrit autour de Merleau-Ponty. Paris: Éditions Gallimard, 1978. 224 p.
39. Les philosophes français d'aujourd'hui. Paris: C.D.U., 1963. 402 p.
40. Madison G.B. La Phénoménologie de Merleau-Ponty. Une recherche des limites de la conscience. Paris: Éditions Klincksieck, 1973. 283 p.
41. Moutsopoulos E. Vers une phénoménologie de la création // Revue philosophique de la France et de l'étranger. 1961. T. 151. P. 263–291.
42. Parain-Vial J. Tendances nouvelles de la philosophie. Paris: Le Centurion, 1978. 263 p.
43. Phénoménologie: un siècle de philosophie / Éd. P. Dupond, L. Cournarie. Paris: ELLIPSES, 2002. 256 p.
44. Philosophie contemporaine en France. Paris: Ministère des affaires étrangères, Direction générale des relations culturelles, scientifiques et techniques, Sous-direction de la politique du livre et des bibliothèques, 1994. 137 p.
45. Problèmes actuels de la phénoménologie. Paris: Desclée de Brouwer, 1952. 163 p.
46. Richir M. La phénoménologie de Husserl dans la philosophie de Merleau-Ponty // Philosopher en français. Langue de la philosophie et langue nationale / Éd. J.-F. Mattéi. Paris: Presses Universitaires de France, 2001. P. 183–200.
47. Ricoeur P. A l'école de la phénoménologie. Paris: J. Vrin, 1986. 295 p.
48. Ricoeur P. Hommage à Merleau-Ponty // Ricoeur P. Lectures 2. La contrée des philosophes. Paris: Le Seuil, 2013. P. 157–164.
49. Ricoeur P. Merleau-Ponty: par-delà Husserl et Heidegger // Ricoeur P. Lectures 2. La contrée des philosophes. Paris: Le Seuil, 2013. P. 165–172.
50. Robinet A. Merleau-Ponty. Sa vie, son oeuvre avec un exposé de sa philosophie. Paris: Presses Universitaires de France, 1963. 122 p.

51. *Sichère B.* Cinquante ans de philosophie française. Paris: Ministère des affaires étrangères, Direction générale des relations culturelles, scientifiques et techniques, Sous-direction de la politique du livre et des bibliothèques, 1996. 102 p.
52. *Sichère B.* Merleau-Ponty ou le corps de la philosophie. Paris: B. Grasset, 1982. 252 p.
53. *Thévenaz P.* De Husserl à Merleau-Ponty. Qu'est-ce que la phenomenology? Neuchâtel: Éd. de la Baconnière, 1966. 118 p.
54. *Tilliette X.* Merleau-Ponty ou la mesure de l'homme. Paris: Seghers, 1970. 188 p.
55. *Villela-Petit M.* "Qui voit?", du privilege de la peinture chez M. Merleau-Ponty // Les Études philosophiques. 2001. No. 2. P. 261-278.
56. *Waelhens A.* Une philosophie de l'ambiguïté, l'existentialisme de Maurice Merleau-Ponty. Paris: Béatrice-Nauwelaerts, 1968. 408 p.
57. *Worms F.* La philosophie en France au XX siècle. Paris: Gallimard, 2009. 656 p.
58. *Worms F.* Signes entre sens et non-sens. Philosophie, sciences humaines et politique dans l'oeuvre de Merleau-Ponty // Les Études philosophiques. 2001. No. 2. P. 165-183.
59. *Zielinski A.* Lecture de Merleau-Ponty et de Levinas. Le corps, le monde, l'autre. Paris: Presses Universitaires de France, 2002. 317 p.

ENCYCLOPEDIC SEARCH

Irena Vdovina

DSc in Philosophy,
Chief Researcher. RAS Institute of Philosophy.
Goncharnaya St. 12/1, Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: isvdovina@mail.ru

MERLEAU-PONTY MAURICE

The article presents a summary of the philosophical teachings of the French thinker Maurice Merleau-Ponty (1908–1961). The main research topics are as follows: substantiation of the unique relationship between man and the world, man and man; the nature of language; the linguistic experience of man; history as a product and space of human activity. Reflecting on the relationship of man to the world, M. Merleau-Ponty sought to identify the natural and at the same time the original human contact with the world. When creating his philosophical concept, he relied on the teachings of M. Montaigne, Men de Biran, A. Bergson, G. Marcel. The philosopher highlights the specific role of the human body in his life and in creating a human community, declaring it a “universal scale”. Merleau-Ponty explores the concept of flesh in many ways, which for him is the primary element of being and allows us to talk about the kinship of the human self and the world. Further, he substantiates a person’s involvement in being through language, speech, the appearance and design of which he associates with a special function of the human body. The philosopher declares linguistic experience to be the highest achievement of man, an indicator of his historicity and ability to transcend, thanks to which the development of human culture is carried out. In linguistic experience, a person turns to the “other”, and being appears as a meeting place for the “I” and the “other” embedded in him; the “other” is initially included in the primary experience of the world – the “I” and the “other” consist of one flesh. The flesh also acts as a starting point for the study of human social existence. The material that supports and develops the conclusions of philosophy for M. Merleau-Ponty is art: a philosopher and an artist in their work proceed from a primary relationship to the world; philosophy and art are contact with existence, the discovery of the world of things, the exploration of primordial reality. Merleau-Ponty seeks confirmation of his ideas in the works of Balzac, Stendhal, Proust, Gide, Saint-Exupery, who, in his opinion, tell about the fullness of the human spirit, the richness of the inner world of man, and the community of people.

Keywords: man, being, world, flesh, body, perception, soul, language, art, history

References

Sources:

1. Merleau-Ponty, M. "La doute de Cézanne", in: M. Merleau-Ponty, *Sens et non-sens*. Paris: Les Éditions Nagel, 1948, pp. 15–44.
2. Merleau-Ponty, M. *Existence et dialectique*. Paris: Presses Universitaires de France, 1971. 228 pp.
3. Merleau-Ponty, M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception], eds. I.S. Vdovina, S.L. Fokin. St. Petersburg: Nauka Publ., 1999. 606 pp. (In Russian)
4. Merleau-Ponty, M. *Humanisme et terreur: essai sur le problème communiste*. Paris: Éditions Gallimard, 1980. 320 pp.
5. Merleau-Ponty, M. *L'Union de l'âme et de corps chez Malebranche, Biran et Bergson*. Paris: J. Vrin, 1978. 140 pp.
6. Merleau-Ponty, M. *La prose du monde*. Paris: Éditions Gallimard, 1969. 216 pp.
7. Merleau-Ponty, M. *Les aventures de la dialectique*. Paris: Éditions Gallimard, 1955. 341 pp.
8. Merleau-Ponty, M. *Oko i dukh* [The Eye and the Spirit], transl. A.V. Gustyř'. Moscow: Iskusstvo Publ., 1992. 63 pp. (In Russian)
9. Merleau-Ponty, M. *Sens et non-sens*. Paris: Les Éditions Nagel, 1966. 333 pp.
10. Merleau-Ponty, M. *Structure du comportement*. Paris: Presses Universitaires de France, 1942. 315 pp.
11. Merleau-Ponty, M. *V zashchitu filosofii* [In Defense of Philosophy], transl. I.S. Vdovina. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 1996. 247 pp. (In Russian)
12. Merleau-Ponty, M. *Vidimoe i nevidimoe* [Visible and Invisible], transl. O.N. Shparaga. Minsk: Logvinov Publ., 2006. 400 pp. (In Russian)
13. Merleau-Ponty, M. *Znaki* [Signs], transl. I.S. Vdovina. Moscow: Iskusstvo Publ., 2001. 429 pp. (In Russian)

Researches:

1. Azhimov, F.E. "Ehstetiko-antropologicheskoe izmerenie fenomenologii M. Merlo-Ponti" [Aesthetic and Anthropological Dimension of M. Merleau-Ponty's Phenomenology], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2011, No. 2 (14), pp. 81–83. (In Russian)
2. Bergson, H.-L. *Dva istochnika morali i religii* [The Two Sources of Morality and Religion], transl. A.B. Gofman. Moscow: Kanon+ Publ., 1994. 384 pp. (In Russian)
3. Beskova, I.A., Knyazeva, E.N., Beskova, D.A. *Priroda i obrazy telesnosti* [The Nature and Images of Physicality]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2011. 456 pp. (In Russian)
4. Brazhnikova, Ya.G. "Plot' i istoriya. K idee arkhitektonicheskogo proshlogo v filosofii M. Merlo-Ponti" [Flesh and History. Towards the Idea of the Architectonic Past in the Philosophy of M. Merleau-Ponty], *Logos*, 2004, No. 1 (41), pp. 72–87. (In Russian)
5. Charron, G. *Du langage. A. Martinet et M. Merleau-Ponty*. Ottawa: Éditions de l'Université d'Ottawa, 1972. 187 pp.
6. Daly, A. *Merleau-Ponty and the Ethics of intersubjectivity*. London: Palgrave Macmillan, 2016. 312 pp.

7. Dartigues, A. *Qu'est-ce que la phénoménologie?* Toulouse: Privat, 1972. 176 pp.
8. Descombes, V. "Tozhdestvennoe i inoe" [Identical and Different], in: V. Descombes, *Sovremennaya frantsuzskaya filosofiya* [Modern French Philosophy], transl. M.M. Fedorova, ed. N.Ya. Margolina. Moscow: Ves' mir Publ., 2000, pp. 7–182. (In Russian)
9. Dolgov, K.M. *Ot Kirkegora do Kamyu: Ocherki evropeiskoi filosofsko-ehsteticheskoi mysli XX veka* [From Kierkegaard to Camus: Essays on 20th Century European Philosophical and Aesthetic Thought]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1990. 399 pp. (In Russian)
10. Dufrenne, M. "Maurice Merleau-Ponty", *Les études philosophiques*, 1962, Vol. 17, No. 1, pp. 81–92.
11. Dufrenne, M. *Pour l'homme*. Paris: Éditions du Seuil, 1968. 256 pp.
12. Fontaine de Visscher L. *Le phénomène ou Structure? Essai sur le langage chez Merleau-Ponty*. Bruxelles: Publ. des fac. univ. Saint Louis, 1974. 113 pp.
13. *Frantsuzskaya filosofiya i ehstetika XX veka: A. Bergson, Eh. Mun'e, M. Merlo-Ponti* [French Philosophy and Aesthetics of the Twentieth Century: A. Bergson, E. Mounier, M. Merleau-Ponty]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1995. 269 pp. (In Russian)
14. Haar, M. *La philosophie française entre phénoménologie et métaphysique*. Paris: Presses Universitaires de France, 1999. 143 pp.
15. Halda, B. *Merleau-Ponty ou la philosophie de l'ambiguïté*. Paris: Lettres Modernes, 1966. 63 pp.
16. Heidegger, M. *Bytie i vremya* [Being and Time], transl. V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem Publ., 1997. 451 pp. (In Russian)
17. Heidsiek, F. *L'ontologie de Merleau-Ponty*. Paris: Presses Universitaires de France, 1971. 141 pp.
18. Husserl, E. *Kartezianskie razmyshleniya* [Cartesian Reflections], transl. D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka Publ., 1998. 315 pp. (In Russian)
19. Hyppolite, J. *Figures de la pensée philosophique*, T. II. Paris: Presses Universitaires de France, 1991. 1042 pp.
20. Kosheleva, V.L. "Moris Merlo-Ponti" [Maurice Merleau-Ponty], *Filosofy XX veka* [The Philosophers of the 20th Century], Vol. 1. Moscow: Iskusstvo XXI vek Publ., 2004, pp. 157–168. (In Russian)
21. Krotov, A.A. *Filosofiya Men de Birana* [The Philosophy of Men de Biran]. Moscow: Moskow State University Publ., 2000. 103 pp. (In Russian)
22. *L'Œil et L'Esprit. Merleau-Ponty entre art et philosophie*, ed. F. Bourlez, L. Vinciguerra. Reims: EPURE, 2016. 280 pp.
23. Lefort, C. *Sur une colonne absente: écrit autour de Merleau-Ponty*. Paris: Éditions Gallimard, 1978. 224 pp.
24. *Les philosophes français d'aujourd'hui*. Paris: C.D.U., 1963. 402 pp.
25. Levinas, E. "Gumanizm drugogo cheloveka" [The Humanism of Another Person], transl. I.S. Vdovina, in: E. Levinas, *Izbrannoe. Trudnaya svoboda* [Selected Works. Difficult freedom]. Moscow: ROSSPEHN Publ., 2004, pp. 591–662. (In Russian)
26. Levinas, E. "Total'nost' i Beskonechnoe" [Totality and the Infinite], transl. I.S. Vdovina, in: E. Levinas, *Izbrannoe. Total'nost' i Beskonechnoe* [Selected Works. Totality and the Infinite]. Moscow, St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2000, pp. 66–291. (In Russian)
27. Lyotard, J.-F. *Fenomenologiya* [Phenomenology], transl. B.G. Sokolov. St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2001. 150 pp. (In Russian)
28. Madison, G.B. *La Phénoménologie de Merleau-Ponty. Une recherche des limites de la conscience*. Paris: Éditions Klincksieck, 1973. 283 pp.

29. Marcel, G. *Metafizicheskiy dnevnik* [The Metaphysical Diary], transl. V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005. 586 pp. (In Russian)
30. Marcel, G. *Tragicheskaya mudrost' filosofii. Izbrannye raboty* [The Tragic Wisdom of Philosophy. Selected Works], transl. G.M. Tavrizyan. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 1995. 215 pp. (In Russian)
31. Montaigne, M. de. *Opyty* [Essays], Vol. 1. Moscow: Golos Publ., 1992. 383 pp. (In Russian)
32. Montaigne, M. de. *Opyty* [Essays], Vol. 2. Moscow: Golos Publ., 1992. 559 pp. (In Russian)
33. Montaigne, M. de. *Opyty* [Essays], Vol. 3. Moscow: Golos Publ., 1992. 414 pp. (In Russian)
34. Moutsopoulos, E. "Vers une phénoménologie de la création", *Revue philosophique de la France et de l'étranger*, 1961, T. 151, pp. 263–291.
35. Parain-Vial, J. *Tendances nouvelles de la philosophie*. Paris: Le Centurion, 1978. 263 pp.
36. *Phénoménologie: un siècle de philosophie*, éd. P. Dupond, L. Coumarie. Paris: EL-LIPSES, 2002. 256 pp.
37. *Philosophie contemporaine en France*. Paris: Ministère des affaires étrangères, Direction générale des relations culturelles, scientifiques et techniques, Sous-direction de la politique du livre et des bibliothèques, 1994. 137 pp.
38. Podoroga, V.A. *Fenomenologiya tela. Vvedenie v filosofskuyu antropologiyu* [The Phenomenology of the Body. Introduction to Philosophical Anthropology]. Moscow: Ad Marginem Publ., 1995. 341 pp. (In Russian)
39. *Problèmes actuels de la phénoménologie*. Paris: Desclée de Brouwer, 1952. 163 pp.
40. Richir, M. "La phénoménologie de Husserl dans la philosophie de Merleau-Ponty", *Philosopher en français. Langue de la philosophie et langue nationale*, éd. J.-F. Mattéi. Paris: Presses Universitaires de France, 2001, pp. 183–200.
41. Ricoeur, P. "Hommage à Merleau-Ponty", in: P. Ricoeur, *Lectures 2. La contrée des philosophes*. Paris: Le Seuil, 2013, pp. 157–164.
42. Ricoeur, P. "Merleau-Ponty: par-delà Husserle et Heidegger", in: P. Ricoeur, *Lectures 2. La contrée des philosophes*. Paris: Le Seuil, 2013, pp. 165–172.
43. Ricoeur, P. *A l'école de la phénoménologie*. Paris: J. Vrin, 1986. 295 pp.
44. Ricœur, P. *Konflikt interpretatsii. Ocherki o germenetike* [Conflict of Interpretations. Essays on Hermeneutics], transl. I.S. Vdovina. Moscow: Kanon-Press-Ts Publ., 2002. 622 pp. (In Russian)
45. Ricœur, P. *Ya-sam kak drugoi* [Oneself as Another], transl. B.M. Skuratov, ed. I.S. Vdovina. Moscow: Publishing House of Humanitarian Literature, 2008. 416 pp. (In Russian)
46. Robinet, A. *Merleau-Ponty. Sa vie, son oeuvre avec un exposé de sa philosophie*. Paris: Presses Universitaires de France, 1963. 122 pp.
47. Sichère, B. *Cinquante ans de philosophie française*. Paris: Ministère des affaires étrangères, Direction générale des relations culturelles, scientifiques et techniques, Sous-direction de la politique du livre et des bibliothèques, 1996. 102 pp.
48. Sichère, B. *Merleau-Ponty ou le corps de la philosophie*. Paris: B. Grasset, 1982. 252 pp.
49. Solovyeva, G. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya (ot Serena K'erkegora do Zhaka Der-rida)* [Modern Western Philosophy (from Søren Kierkegaard to Jacques Derrida)]. Almaty: Institute of Philosophy and Political Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan Publ., 2002. 465 pp. (In Russian)

50. Spiegelberg, H. "Fenomenologicheskaya filosofiya Morisa Merlo-Ponti (1908–1961)" [The Phenomenological Philosophy of Maurice Merleau-Ponty (1908–1961)], transl. T. Vartanyan, K. Smirnova, in: H. Spiegelberg, *Fenomenologicheskoe dvizhenie. Istoricheskoe vvedenie* [The Phenomenological Movement. Historical Introduction]. Moscow: Logos Publ., 2002, pp. 529–580. (In Russian)
51. Thévenaz, P. *De Husserl à Merleau-Ponty. Qu'est-ce que la phenomenology?* Neuchâtel: Éd. de la Baconnière, 1966. 118 pp.
52. Tilliette, X. *Merleau-Ponty ou la mesure de l'homme*. Paris: Seghers, 1970. 188 pp.
53. Vdovina, I.S. "Moris Merlo-Ponti" [Maurice Merleau-Ponty], in: I.S. Vdovina, *Fenomenologiya vo Frantsii (istoriko-filosofskie ocherki)* [Phenomenology in France (Historical and Philosophical Essays)]. Moscow: Kanon+ Publ., 2009, pp. 15–106. (In Russian)
54. Villela-Petit, M. " 'Qui voit?', du privilege de la peinture chez M. Merleau-Ponty", *Les Études philosophiques*, 2001, No. 2, pp. 261–278.
55. Waelhens, A. *Une philosophie de l'ambiguïté, l'existentialisme de Maurice Merleau-Ponty*. Paris: Béatrice-Nauwelaerts, 1968. 408 pp.
56. Waldenfels, B. "Klyuchevaya rol' tela v fenomenologii Morisa Merlo-Ponti" [The Key Role of the Body in the Phenomenology of Maurice Merleau-Ponty], in: Merleau-Ponty, M. *Vidimoe i nevidimoe* [Visible and Invisible], transl. O.N. Shparaga. Minsk: Logvinov Publ., 2006, pp. 379–399. (In Russian)
57. Worms, F. "Signes entre sens et non-sens. Philosophie, sciences humaines et politique dans l'oeuvre de Merleau-Ponty", *Les Études philosophiques*, 2001, No. 2, pp. 165–183.
58. Worms, F. *La philosophie en France au XX siècle*. Paris: Gallimard, 2009. 656 pp.
59. Zielinski, A. *Lecture de Merleau-Ponty et de Levinas. Le corps, le monde, l'autre*. Paris: Presses Universitaires de France, 2002. 317 pp.